

Разгуляться вовсю Чи Нину в итоге так и не удалось.

И дело было совсем не в том, что Господин Юань зажал проклятия и отказался известить всех его соперников ради собственного развлечения. Нет, бог просто сразу расставил все точки над «i»: уговор дороже денег. Стоит Чи Нину взобраться на самый верх, как придет пора платить по счетам. Сполна.

Проще говоря: взлетит Чи Нин на вершину — и уже Юань будет делать с ним всё, что душе угодно.

Чи Нин прикинул все за и против, счел сделку разорительной и со вздохом сожаления пошел на попятную. Утешился он лишь мыслью о том, что медленное восхождение имеет свои прелести: в конце концов, сам процесс борьбы с соперниками — штука упоительно интересная.

Честное слово, утешал он себя искренне, от самого сердца. Никакой фальши, никакой досады. Ну, почти.

На именинном пиру у господина Цяня выступала Труппа Полного Счастья — самый прославленный в столице коллектив куньшаньской оперы. Одно название чего стоило — чистая радость! Праздновать собирались целых десять дней, и сегодня все только начиналось. Сама куньшаньская опера зародилась на юге, но труппа была сугубо северной, а потому вела свои партии на певучем столичном наречии — изысканно, плавно, с благородной, утонченной грацией.

К моменту появления Чи Нина представление уже началось. На сцене блистали главные знаменитости столицы. Мелодично и нежно лились мотивы известнейшей пьесы, актеры в женских ролях хуадань щеголяли ярким гримом, их голоса звенели хрустальной каплей, а каждый взмах ресниц и полуулыбка дышали изысканным кокетством.

«Надо же, дают "Пионовую беседку"»

Чи Нин терпеть не мог оперу, но его наставник, евнух Чжан, обожал театральное искусство, так что поневоле пришлось выучить наизусть почти весь классический репертуар.

«"Пионовая беседка"?» — обрывки воспоминаний Господина Юаня то всплывали в его разуме, то бесследно таяли, поэтому пьеса, столь знакомая Чи Нину, для него оставалась тайной за семью печатями. — «О чем она?»

Похоже, зловещему божеству были не чужды столь благообразные стариковские увлечения.

Цянь Сяюй восседал в самом центре почетного ряда перед сценой, окруженный плотной толпой угодников. По идее, взоры гостей должны были притягивать блистающие на подмостках красавицы, но каждый в зале кожей чувствовал: истинный виновник торжества сидит внизу.

Ему даже не нужно было ничего делать, чтобы оставаться в центре внимания — достаточно было небрежно качнуть головой в такт музыке или тихонько напеть строку, как все вокруг замирали в немом восхищении.

В этом и крылось истинное очарование власти.

То, к чему веками стремились миллионы простых смертных, готовых расшибиться в лепешку ради крупички этого величия.

И именно эту силу Чи Нин жаждал заполучить больше всего на свете. Он оглянулся: в глазах стоявшего неподалеку Ма Вэня горели те же амбиции, та же удушливая жажда. Но в зависти соперника сквозило еще и уязвленное самолюбие, смешанное с глухой обидой. Оба они принадлежали к группировке покойного евнуха Чэня, и Ма Вэнь искренне считал, что ни в чем не уступает Цянь Сяоюю. Почему же после краха Лань Цзетина все милости достались этому разнеженному чистоплюю Цяню, а не ему? Неужели только из-за разницы в возрасте?

Как нарочно, именно в этот момент господин Цянь скользнул взглядом по входу, расплылся в улыбке, порывисто поднялся с места и приветливо махнул рукой.

Под прицелом десятков чужих глаз Ма Вэнь мгновенно приосанился, преисполнившись спеси. Ему почудилось, что это к нему обращено столь лестное внимание, выделяющее его из безликой толпы.

Но не успел он и рта открыть, как господин Цянь восторженно закричал:

— Линь-Линь! Ну же, иди скорее сюда, садись со мной рядом!

Чи Нин едва сдерживал ликующий смех. Подхалимство и спесь в среде евнухов процветали испокон веков, но глупость Ма Вэня переходила все границы. При желании Чи Нин мог бы спрятать свое пренебрежение так глубоко, что даже самые прожженные дворцовые лисы не заметили бы подвоха. Но зачем утруждать себя ради какого-то ничтожного евнуха Ма? Слишком много чести.

Полнейшее равнодушие Чи Нина взбесило Ма Вэня так, что у него едва пар из ушей не повалил. Он был готов лопнуть от злости.

Тем временем Чи Нин, изящно обойдя Ма Вэня, приблизился к имениннику и преспокойно опустился на почетное место, вызывая немую зависть у всех присутствующих.

— Поздравляю вас, господин Цянь, — с улыбкой произнес он. — Пусть каждый ваш день будет полон такого же счастья, а годы приносят лишь процветание.

— Ох, егоза, ну надо же! — расплылся в довольной улыбке господин Цянь. Лицо его так и сияло

от радости, соперничая яркостью с праздничным алым халатом, а во взгляде, устремленном на юношу, сквозило... почти материнское тепло. Он слегка повернулся к сидевшему рядом Первоприсутствующему Ван Яну и негромко заметил: — Вот поэтому из всей молодежи я больше всего люблю Линь-Линя. До чего же у него сладкий голосок! Не то что у некоторых тупиц, которые двух слов связать не могут и бубнят дежурные пожелания долголетия, словно на похоронах.

Накануне Ма Вэнь преподнес подарок, приложив к нему именно такое банальное поздравление — он надеялся тонко уколоть господина Цяня намеком на преклонный возраст. Однако Цянь Сяюй столь ядовито переиначил эти слова, что Ма Вэнь в глазах присутствующих разом выставил себя неотесанной деревенщиной, не способной составить приличное письмо.

Да и само «пусть каждый ваш день будет полон счастья» — неужели это вершина изящной словесности?

Евнух Ма был на грани инсульта, но закатить скандал не смел. Ему оставалось лишь нацепить вымученную улыбку и делать вид, будто ядовитые стрелы господина Цяня его совершенно не касаются.

Чи Нин впервые видел Ван Яна так близко. В прежние времена Первоприсутствующий Ван вел дела в основном с Лань Цзетином, да и с наставником Чжаном пересекался редко, а о молодом евнухе Лине и говорить нечего. Единственный случай, когда они могли столкнуться лицом к лицу — та памятная битва во Дворце Недеяния, где Чи Нин яростно отстаивал права юного принца Вэнь Чэня перед толпой сановников. Но тогда хитрый Ван Ян благополучно сказался больным и остался дома.

Ван Ян слыл достойным мужем и честным чиновником. Но в отличие от прочих придворных, слепо преданных престолу, его верность принадлежала не монарху, а народу Поднебесной и собственному долгу — беречь покой простых людей.

Именно поэтому, прекрасно понимая, что по закону трон должен унаследовать Вэнь Чэнь, сын покойного императора Тяньхэ, Ван Ян поддерживал кандидатуру молодого и полного сил Вэнь Кэ.

Впрочем, сейчас именно он яростнее всех противился попыткам нового императора возвысить родню по материнской линии. Алчные родственники императрицы всегда были для двора костью в горле, и Ван Ян бил по ним без жалости. В своих поступках он никогда не руководствовался желанием угодить правителю — его заботило лишь благоденствие простых людей.

К этой глыбе Чи Нин питал довольно сложные чувства. Разумеется, они стояли по разные стороны баррикад, но...

Вспоминая свое голодное детство, когда единственным спасением от нищеты оказалось оскотление и служба во дворце, Чи Нин невольно ловил себя на мысли: будь тогда у руля

империи такой человек, как Ван Ян, возможно, его судьба сложилась бы совсем иначе. И ему не пришлось бы становиться кастратом.

Пока Чи Нин предавался воспоминаниям, Ван Ян тоже внимательно разглядывал юношу. Ему не довелось воочию наблюдать за триумфом дерзкого евнуха во Дворце Недеяния, однако Первоприсутствующий Ван признавал: покойный Чжан Цзинчжун воспитал превосходного преемника. В чем-то его мысли перекликались с чувствами Чи Нина — несмотря на вражду интересов, старый политик умел ценить подлинный талант.

Поэтому, хоть Ван Ян и понимал, что господин Цянь использует Чи Нина лишь как орудие для издевок над Ма Вэнем, он все же благодушно кивнул и произнес:

— Господин Линь воистину юн, но уже невероятно одарен. Его ждет великое будущее.

Получить столь высокую оценку от самого Первоприсутствующего — не просто пустой комплимент. Это сулило огромную практическую выгоду.

Влияние и авторитет Чи Нина в одночасье взлетели до небес.

Уже завтра вся столица будет гудеть о том, что сам Ван Ян благоволит молодому главе Восточного притвора. Окажись на месте министра кто-то другой, его слова сочли бы за грубую лесть, но из уст неподкупного Ван Яна это прозвучало как непреложный факт.

Визит на празднество господина Цяня окупился с лихвой.

Господин Юань тоже оставался весьма доволен увиденным. Сюжет «Пионовой беседки», разыгрывавшийся на сцене, пробудил в его божественном разуме живейшее любопытство.

«Любовь рождается внезапно и проникает в самое сердце... Так вы, люди, зовете это чувство?» — спросил он Чи Нина.

«Да избавят меня боги от этой чуши!» — мысленно замахал руками Чи Нин, презирая нелепые фантазии здешних бумагомарак. — «"Любовь столь всесильна, что живого может свести в могилу, а мертвого — вернуть к жизни"... Слышал бы ты себя со стороны! С каких это пор отсутствие любовной тоски убивает наповал? Не смеши меня. В этой жизни никто никому ничего не должен, и полагаться можно лишь на самого себя».

«???» — растерялся Юань. — «Напомни-ка, кто из нас двоих — бесчувственный монстр, а кто — представитель расы смертных, ведомых эмоциями?»

Внешне Чи Нин оставался образцом скромности и почтения: он тихонько грыз тыквенные семечки и с кротким видом слушал велеречивые беседы старших. Однако в его мыслях бушевал целый ураган скепсиса:

«Любовь — всего лишь притворная игра двоих актеров на подмостках жизни. Если оба увлекутся ролью, то проживут рука об руку до глубокой старости. Если заиграется лишь один — финал будет трагичным. Ну а если оба фальшивят, страдать придется несчастным зрителям вокруг».

«Но при этом ты усердноводишь Вэнь Хуайгу с его суженой?»

«Именно! Я и сам далеко не святой, но это ведь не мешает мне желать, чтобы весь мир состоял из благородных праведников».

Вести дела с хорошими людьми — будь они хоть друзьями, хоть врагами — куда безопаснее. К тому же, если все кругом станут добродетельными глупцами, а он один останется негодяем, перед ним откроются поистине безграничные возможности. От одной этой мысли на душе становилось сладко.

Логика простая: сам Чи Нин в любовь не верил, но от всей души желал другим познать её горькие прелести.

Юань на мгновение лишился дара речи. Противоречивость натуры Чи Нина не знала границ. Но куда важнее было то, что злой бог сумел почерпнуть из оперного сюжета прекрасную идею.

Чи Нин приготовился ко сну. Той же ночью ему привиделся сон.

Сон унес его в те далекие времена, когда он впервые осознал всю нелепость и тщетность любовных чувств.

Тогда Чи Нин еще грыз гранит науки в Императорской школе евнухов. Господин Цянь уже успел занять там должность управляющего-чжанси, но из-за скоропостижной кончины императора Су все его великие реформы пошли прахом, превратив амбициозного евнуха в унылую ленивую рыбу. А второй старший соученик Чи Нина, красавец Юй Синчуй, по прозвищу Сяньсянь, сделался самым молодым старшиной школы в Дирекции церемониала.

В тот год в столицу пожаловали иноземные послы со щедрыми дарами. В честь этого события между чужестранными студентами, лучшими умами Государственной академии и молодыми дарованиями из Императорской школы евнухов устроили совместное обучение, затянувшееся на целый месяц. Каждая сторона выставила по девять лучших учеников. Двадцать семь человек прилежно занимались по одной программе и в финале должны были сдать самый сложный экзамен, дабы отстоять честь своего государства.

Не стоило и спрашивать, каким ветром в это состязание занесло будущих евнухов — тут всю постарался покойный император Тяньхэ. Едва взойдя на трон, он окружил себя скопцами, во

всем на них полагаясь. К тому же из-за нежной привязанности к Лань Цзетину государь всячески продвигал интересы Дирекции церемониала, осыпая ее воспитанников неслыханными милостями.

По всем правилам защищать честь своих заведений должны были простые ученики. Но Императорская школа евнухов пошла на хитрость, объявив своих старшин школы такими же студентами. В борьбе за победу они не гнушались ничем — благо господин Цянь отродясь не признавал никаких правил.

Именно на Юй Синчуя господин Цянь возлагал самые большие надежды. Но случилось непредвиденное: за этот злополучный месяц юноша ухитрился без памяти влюбиться.

Что там стряслось на самом деле, Чи Нин толком не знал. Его жизнь тогда протекала строго по кругу: от классной комнаты до личных покоев. Ему до смерти хотелось сунуть нос в чужие дела, но старшие лишь отмахивались от назойливого мальчишки, повторяя как один:

— Учись прилежно, отрок, вот и вся помощь от тебя.

В памяти отложился лишь один безумный день, когда господин Цянь в ярости разнес в щепки все убранство своего кабинета, переколотив гору бесценного фарфора и нефрита. Для человека, обожавшего золото пуще жизни, это было верхом безумия — сразу стало ясно, какая грандиозная гроза разразилась над головой его соученика.

Вдруг совсем рядом раздался знакомый, но почему-то позабытый голос. Чи Нин привычно прислушался к нему.

— Хочешь взглянуть, что подделывает твой соученик? — спросил его невидимка.

Чи Нин обернулся. Собеседник стоял поодаль, прислонившись к лаковой красной колонне. Это был высокий, стройный юноша с невероятно красивыми, колдовскими глазами. Чи Нин никогда не встречал его наяву, но какая-то неведомая сила подсказывала: они знакомы вечно. Незнакомец дерзко, обезоруживающе улыбнулся.

— Ну так как, — повторил он, — заглянем за кулисы тайн твоего второго соученика?

— Господин... Юань? — имя само слетело с губ Чи Нина. Опустив взгляд, он обомлел: на нем красовалось простое ученическое платье-шэньи, а собственные ладони казались совсем крошечными и нежными. Как он ухитрился так уменьшиться? И откуда взялась эта странная мысль, что он когда-то был взрослым?

— Мне больше нравится, когда ты зовешь меня просто Юанем, — отозвался юноша.

— Юань... — Чи Нин на миг вспомнил их школьные будни. Они ведь учились вместе, вечно

перешептываясь на уроках. Как только строгие наставники их не ловили? Неужели они обменивались записками? — Нам нельзя покидать стены дворца.

— О, нам можно всё, — усмехнулся тот.

В мгновение ока они очутились в новых жилых корпусах Государственной академии, где квартировали участники состязания. Во дворе так и пестрело от разноцветных одежд: студенты академии щеголяли в зеленых халатах, иноземные гости облачились в серо-желтые тона сухой земли, а воспитанники императорской школы выделялись нежно-сиреневыми нарядами. Юань не преминул дать этому зрелищу меткую оценку:

— Зелень обманутых мужей, тоскливая серость глинозема и... вдовый лиловый для любителей мужской ласки.

Чи Нин сразу выхватил взглядом своего второго соученика. Тот выделялся среди сверстников поразительной, почти неземной красотой — чистый небожитель в невесомых шелках, надменный и недосыгаемый для мирской суеты.

Судя по всему, покойный евнух Чжан при выборе учеников руководствовался простым правилом: брать только писаных красавцев.

Каждый из его троих воспитанников обладал уникальной, завораживающей внешностью и совершенно особым нравом. Юй Синчуй, вполне оправдывая свое прозвище Сяньсянь, казался сошедшим с древней картины бессмертным духом. Юный небожитель, да и только.

В те годы Юй Синчуй еще не пристрастился к терпкому сычуаньскому говору и не умел заводить полезные знакомства. Он оставался гордым одиночкой — проницательным, острым на язык и бесконечно далеким от толпы.

Чи Нин уже поднял руку, намереваясь окликнуть соученика, как вдруг лицо того озарилось ласковой, теплой улыбкой. Но предназначалась она не Чи Нину, а вертевшемуся рядом невысокому юноше.

Чи Нину еще никогда не доводилось видеть своего соученика столь нежным и беззащитным.

Юй Синчуй радушно усадил своего спутника в изящную повозку, выпрошенную когда-то у наставника в качестве подарка на совершеннолетие. Во всей столице нельзя было сыскать экипажа прекраснее: он был сплошь увешан драгоценными подвесками-инло, расшитыми занавесями и тончайшим шелком. Вкусы соученика всегда вызывали у Чи Нина желание съязвить — карета была на диво бесполезной и дырявой. На дворе стояло начало весны, и кататься в таком продуваемом всеми ветрами шатре было прямым путем к лихорадке.

Юань наклонился к самому его уху и вкрадчиво шепнул:

«Видишь? Для своего ненаглядного соученика ты пустое место. Разве он когда-нибудь улыбался тебе с такой нежностью?»

Чи Нин честно покачал головой и пробурчал:

«С какой стати ему так мне улыбаться? Это же просто жутко!»

Время во сне текло по своим капризным, причудливым законам.

Мгновение — и состязание подошло к концу. Юй Синчуй, оправдывая надежды господина Цяня, с легкостью разгромил соперников и занял первое место. Вот только его низкорослого приятеля рядом больше не было.

Да и сама карета соученика преобразилась...

Юноша ухитрился выкрасить ее в ядовито-зеленый цвет — от колес до навеса. На крыше красовалась нелепая изумрудная шапочка, на которой размашистым, летящим почерком была выведена надпись.

Лишь Чи Нин, до тонкостей знавший манеру письма своего соученика, сумел разобрать эти яростные иероглифы.

Там было начертано: «Да пошла она к черту, эта любовь!»

На этом месте Чи Нин резко проснулся. В памяти наконец всплыли реальные события тех лет: Юй Синчуй тогда впервые в жизни влюбился, но избранник нагло наставил ему рога. Окружающие прочили юноше глубокую депрессию, а господин Цянь уже мысленно похоронил репутацию школы на экзаменах.

Как бы не так! Соученик утер нос всем злопыхателям. Он в мгновение ока взял себя в руки, безжалостно растоптал соперников на испытаниях и наглядно доказал изменнику и его друзьям, кто здесь истинный хозяин положения.

Вот она, порода прирожденных гениев: они успевают и крутить романы, и постигать науки. А если перед экзаменом случится расставание — что ж, это лишь повод занять первое место и с особым цинизмом втоптать неверного возлюбленного вместе с его новым хахалем в грязь.

Юй Синчуй по прозвищу Сяньсянь был из тех мужчин, которых невозможно сломить и тем более подчинить своей воле.

О том, чего именно пытался добиться Юань, насылая этот сон, история умалчивала. Ведь Чи Нин истолковал увиденное по-своему. Он рывком сел на постели, полный энергии и

восхищения перед стойкостью соученика:

«Благодарю за науку! Теперь я твердо знаю, кем хочу стать: мужчиной, чьей карьере ни одна любовная интрижка не посмеет помешать!»

«...» — промолчал Юань, мысленно сокрушаясь. — «Погнался за шерстью, а вернулся стриженным. Это точно про меня».

Однако главным событием наступившего дня стало вовсе не озарение Чи Нина. Во время утреннего доклада в Зале Высшей Гармонии внезапно сгустился зловеющий багровый туман. Налетев с юго-востока, бурая кровавая дымка ворвалась под своды дворца прямо на глазах у оцепенелых сановников. Чудовищное марево описало несколько кругов над головой оцепеневшего императора, издав в ответ на панические крики стражи пронзительный, похожий на младенческий плач звук.

А затем кровавый вихрь устремился прочь.

Охваченные ужасом вельможи гурьбой высыпали на площадь перед воротами, провожая взглядами осязаемый, словно живой, багровый шлейф. Тварь неслась по небу прямо к покоям императрицы — во Дворец Обители Феникса.

Не прошло и четверти часа, как во дворцовые врата влетел отряд учеников Обители Сидячего Забытья в лазурных одеждах под предводительством молодого генерала Сыту Вана. Оказалось, багровая тварь наделала шуму не только во дворце: ранним утром, пока чиновники томились в ожидании аудиенции перед закрытыми воротами, она явилась из-за городских стен и сделала круг над всей столицей. Свидетелей набралось предостаточно.

— Нечисть! Это точно проделки злых духов! — истошно вопили прохожие на улицах.

Но самым странным было то, что багровый туман являлся взору далеко не каждого смертного. Даже мудрецы из Обители Сидячего Забытья не могли взять в толк, по какому признаку одни видят знамение, а другие остаются слепы к нему.

Среди министров тоже нашлись те, кто во время паники лишь испуганно крутил головой, симулируя ужас вместе со всеми, хотя сами они не разглядели ровным счетом ничего.

Разум молодого императора Вэнь Кэ был полностью занят мыслями о долгожданном наследнике, зреющем в утробе супруги. Не став выслушивать сбивчивые доклады Сыту Вана о панике среди простонародья, он увлек генерала за собой и помчался во Дворец Обители Феникса.

Сановники, поколебавшись для приличия, двинулись следом. По закону мужчинам из числа подданных вход в покои императрицы заказывался сурово, но ввиду столь грозных знамений условности этикета отошли на задний план.

К тому же Дворец Обителю Феникса примыкал непосредственно к покоям государя, так что нарушать границы запретных глубин гарема не требовалось. У самого входа императорский кортеж едва не сбил с ног бледную как полотно старшую служанку, спешившую к повелителю за помощью. По ее перепуганному лицу было ясно: несчастная лицом к лицу столкнулась с порождением бездны, и государыня уже знала о беде.

Увы, скрывать случившееся было поздно — толпа вельмож заполнила двор.

— Как моя государыня? — выкрикнул император, едва завидев служанку. Но за его напускной тревогой о жене скрывался лишь один вопрос: жив ли плод в ее чреве?

Служанка судорожно вздохнула, силясь совладать с дрожью в голосе:

— Ее Величество невредима, лишь сильно напугана. По счастью, господин Ма в этот момент давал государыне пояснения по делам хозяйства. Он заслонил Ее Величество собой и сумел отогнать нечисть.

Император облегченно перевел дух. Ему было глубоко плевать, с каких пор обычный дворцовый скопец Ма Гуан разумеет в изгнании бесов — главное, что наследник престола не пострадал.

Беременность императрицы уже стала заметна постороннему глазу, и показываться перед толпой мужчин ей не пристало. Сообразив это, Вэнь Кэ велел вельможам ждать снаружи, а сам в сопровождении Сыту Вана и нескольких доверенных лиц переступил порог.

Однако праздные министры, лишённые объяснений, истолковали этот жест весьма превратно.

Дворец Вечного Спокойствия

Тем временем юный Вэнь Чэнь, едва слышав панические крики слуг, сразу все понял. Началось. Жуткое дело о Кровавом младенце, которого он так долго ждал, наконец заявило о себе.

Эта леденящая душу тайна, о которой в будущих веках прослышит каждый младенец, ворвалась в мир внезапно, без малейшего предупреждения.

А ведь погода стояла чудесная — небо звенело лазурью, ласковое солнце согревало черепицу крыш. Люди стали свидетелями великого и жуткого поворота истории, даже не подозревая о масштабе происходящего.

Ли Шимэй с товарищами тоже заметили багровое знамение. У Шэн тут же призвал своих ядовитых любимцев, намереваясь укутать весь павильон защитным роем. Однако Ли Шимэй вовремя перехватил его руку:

— Достаточно защитить принца внутри покоев. Не привлекай лишнего внимания.

Огромная туча шевелящихся гадов могла напугать охрану дворца до смерти. Если кто-то из недоброжелателей свяжет появление жутких насекомых с визитом багровой твари к принцу Вэнь Чэню, беды не миновать.

Юный гэер У Шэн мало смыслил в дворцовых кознях, но за последнее время привык беспрекословно доверять советам Ли Шимэя. Он послушно шагнул вглубь павильона, бережно подхватил маленького принца на руки и тихо шепнул:

— Ваше Высочество, не бойтесь.

Мгновение — и бесчисленные жуки плотным ковром укрыли У Шэна, Ли Шимэя и маленького принца. Но едва на пороге показался Чжу Лян, перед ним выросла живая непреодолимая стена. Глава культа Чжу лишь ошарашенно застыл на месте, растерянно моргая от подобной несправедливости. Что за неприкрытое кумовство?

У Шэн всем своим видом показывал, что ни капли не раскаивается. В его картине мира все было предельно ясно: он, Ли Шимэй и маленький принц — свои, преданные Чи Нину люди.

А этот Чжу Лян...

— Ты сильный, — безучастно бросил юноша. — Сам справишься.

— Да будь я хоть трижды мастером боевых искусств, против нечистой силы мои клинки бессильны! — вскипел Чжу Лян. Этот невыносимый мальчишка из диких племен определенно сводил его с ума своим упрямством и мелочностью.

Ли Шимэй со вздохом урезонил юношу:

— У Шэн, если с Чжу Ляном что-то случится, кто станет оберегать Его Высочество у всех на виду?

У Шэн ненадолго задумался, а затем с крайне недовольным, скупым видом выделил для

защиты Чжу Ляна трех жалких жучков. Сердце лесного жителя было слишком мало, чтобы вместить в себя кого-то, кроме самых близких: его родной деревни, названного отца Чи Нина и верных названных братьев.

А Чжу Ляну придется обходиться тем, что дают.

Заметив, что маленький Вэнь Чэнь хранит молчание, Ли Шимэй поспешил его утешить:

— Ваше Высочество, не пугайтесь. Наши крошки лишь с виду грозные, на самом деле они очень послушные и любят вас.

Но принц молчал вовсе не от испуга. В прошлой жизни ему уже доводилось видеть У Шэна в ярости, и тогда это зрелище действительно довело его до безумных ночных кошмаров. Но сейчас он уловил легкую обиду в молчании дикаря.

Собственно, поэтому У Шэн и невзлюбил Чжу Ляна с первого взгляда — тот при виде его драгоценных насекомых лишь брезгливо кривился.

Не желая ранить чувства верного защитника, Вэнь Чэнь напустил на себя важный вид и серьезно произнес:

— Мне совсем не страшно. Это ведь букашки сестрицы У, а значит, они такие же милые, как и она сама.

У Шэн весь просиял, услышав эти слова. Ну конечно! В этом мире полно умных людей: его названный отец Чи Нин ни капли не боялся жуков, да и Ли Шимэй с маленьким принцем понимали толк в прекрасном. Разве можно не любить таких очаровательных созданий?

У Шэн впервые робко коснулся ладонью макушки мальчика. Этот крошечный принц казался ему сейчас самым чудесным существом на свете.

— У Шэн... сбережет тебя, — твердо пообещал он.

— А багровое облако снаружи — сущие пустяки, — улыбнулся Ли Шимэй, стараясь развеять остатки тревоги.

— Ни одна тварь не посмеет приблизиться к вашему порогу, — подал голос Чжу Лян, проявив неожиданное великодушие.

Вэнь Чэнь лишь тихо вздохнул. Кому, как не ему, было знать, что это жуткое знамение сотворила его собственная бабушка, Вдовствующая императрица, дабы расчистить ему путь к престолу? Родное колдовство никогда бы не причинило вреда наследнику.

В это же время Чи Нин уже слушал насмешливые откровения Юаня о том, чьих рук это дело.

Вдовствующая императрица Белого Лотоса вышла на тропу войны.

В делах темного колдовства и суеверий ей не было равных во всей Поднебесной.

<http://bllate.org/book/20385/2208724>